12+

ПЯТАЯ · КНИГА ПЕРВАЯ

Шов на Луне

УГАР ШАБЛИ

Угар Шабли
Шов на Луне

https://litres.ru/74899737
ISBN 9785007165853

Аннотация

«Не смотри на Луну». Антону Диего одиннадцать, и он худший разносчик пельменей на Фонарной улице. В Глиммертоне фонари желают доброго вечера, а взрослые говорят обрывками рекламы. Однажды ночью Антон видит поперёк Луны тонкий светящийся шов, и большой рыжий кот велит ему не смотреть. Когда-то Луны не было, а девять планет пели одну Песню. Что с ней случилось? Тёплое и смешное приключение о дружбе и тайне, старой, как звёзды. 6+

Содержание

Шов на Луне 5
Угар Шабли 6
Глава первая 7
Не смотри 7
Глава вторая 13
Вестница бежит к Солнцу 13
Глава третья 18
У кота есть мнение 18
Глава четвёртая 24
Королева, которая услышала ложь 24
Глава пятая 30
Чудаковатый сайт 30
ОНА ПЕЛА 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Шов на Луне

Угар Шабли

© Угар Шабли, 2026

ISBN 978-5-0071-6585-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шов на Луне

Пятая. Книга первая (для детей)

Угар Шабли

© 2026 Угар Шабли. Все права защищены.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора или используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, организациями, событиями или местами случайно.

Глава первая

Не смотри

— Не смотри на Луну.

Это были первые слова, которые кот сказал Антону. Но кот появится чуть позже.

Антону Диего было одиннадцать лет, и он был самым никудышным разносчиком пельменей на всей Фонарной улице.

Он в этом был не виноват. Ну, почти.

Виновата была зима, которая темнеет уже в пять вечера. И ещё — Звёздный значок, который был пристёгнут к его куртке и без умолку болтал.

— Добрый вечер, Антон! — сказал Звёздный значок голосом ведущего телеигры, который проглотил воздушный шарик. — У тебя сорок одно Звёздное очко. Детям, у которых меньше сорока, десерт в школе не положен!

— Это шантаж!

— Спасибо за обратную связь! Минус одно очко за ворчание.

Глиммертон был странным городом, и все, кто в нём жил, это знали, хотя вслух никто не говорил.

Фонарные столбы желали «Добрый вечер!» и моргали сво-

ими крохотными глазками-камерами. Мусорные баки говорили «Спасибо!», даже если ты ничего не сортировал. А взрослые разговаривали обрывками рекламы, будто забыли, как говорить по-человечески.

— Как прошёл день, мистер Пинч? — спросил Антон у дома номер двенадцать.

— Хруст-хруст, красота! — сказал мистер Пинч с большой пустой улыбкой и закрыл дверь.

А ведь раньше мистер Пинч рассказывал лучшие истории на всей улице.

Вторая доставка была в квартиру миссис Окафор над прачечной. Её дочка Лили работала медсестрой и была единственным взрослым из всех, кого знал Антон, который до сих пор говорил как живой человек.

— Антон! Ты просто герой! — сказала Лили. Потом заметила банку «Ракеты-Попа» у него в кармане — той самой ярко-голубой, от которой в голове что-то делает *дзынь-вжух*. — Вода, — сказала она и ткнула в него пальцем. — Приказ медсестры.

[ILLUSTRATION: Gus, 11, in a puffy coat with a smiling Star Badge clipped to the front, carrying paper bags of dumplings down Lantern Street. Talking lampposts with camera eyes, bins saying «Thank you!», and giant smiling cereal-eaters floating across the clouds.]

Последняя доставка вела через маленький железный мо-

стик над каналом.

Был прилив — высокий, тёмный: вода шлёпала о стены: *плип, плап*. На середине моста Антон поднял глаза. В Глиммертоне никто по-настоящему не смотрел вверх. Но сегодня над кранами висела Луна, большая и белая.

И на ней была линия.

Тонкая, как волосок, золотая, с зеленоватой каймой, она светилась *изнутри*, будто полоска света под дверью. Она походила на шов: словно Луну давным-давно сшили, а стежки теперь светятся.

Он поднял бабушкин старенький телефон. На экране Луна была самой обычной, белой.

Он опустил телефон. *Линия.*

Поднял. *Нет линии.*

— Это, — сказал Антон вслух, — крайне странно.

И тут он почувствовал. Из моста поднялся долгий низкий гул и осел у него в горле, тёплый, как горячий шоколад.

И Антон вспомнил свой сон. В нём не было никакой Луны, а небо было полно *друзей* — девяти больших добрых кого-то, которые не говорили вслух ни слова, потому что им это было не нужно. Добрая женщина положила ему руку на плечо, и в голове у него возникла мысль, ясная, как звон колокольчика:

Побереги это для меня.

Но он всегда просыпался раньше, чем узнавал, что такое это *это*.

— Антон! — сказал Звёздный значок. — Смотреть в небо не входит в доставку. Минус два Звёздных очка!

А потом бодрый голос сказал *блип*, как перепрыгнувшая песня. И под ним, на одно крохотное мгновение, зазвучал другой голос. Плоский и серый, в котором не было вообще ничего.

Ребёнок смотрит вверх. Отмечено.

— Приятного вечера!

Фонарь в конце моста повернул к нему свой глаз-камеру и застыл — очень, очень неподвижно.

[ILLUSTRATION: The little iron footbridge at high tide. Gus stands in the middle, mouth open, looking up at a huge white Moon with a thin glowing gold-green seam across it, like stitches shining through. His phone screen, held up, shows a plain Moon with no line. A lamppost's camera eye watches him.]

— Не смотри на Луну.

Антон чуть не выронил пельмени.

На старом, исчерканном мелом заборе у железнодорожной арки сидел кот. Очень большой, очень рыжий кот с надорванным ухом, он сидел как учитель, который ждёт, пока все затихнут. На шее у него светился осколок красного стекла.

— Ты что, сейчас…

— Не там, где фонари могут тебя увидеть, — сказал кот скрипучим голосом старой дамы. — Они замечают тех, кто смотрит вверх. Закрой рот, милый. Муха залетит.

— Коты не умеют разговаривать.

— Большинство не умеет. Большинство котов — просто коты. — Он глянул на «Ракету-Поп». — И нет, это не газировка.

Антон как раз собирался спросить именно это.

— Ты только что сказал вслух «крайне странно», — добавил кот. — Разговаривать вслух. Какой костыль.

— Какой что?

— Неважно. — Красное стёклышко засветилось ярче. — Большинство людей не видят Шов. А ты видишь, Антон. Это делает тебя интересным. А интересным быть опасно.

Антон похолодел с ушей до пяток.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Кот спрыгнул вниз, мягко, как тапочек.

— Я знаю твоё имя. Знаю номер твоего Звёздного значка: Г-Ф-пять-пять-пять-ноль-девять-один. И ещё кое-что знаю.

— Что именно? Да кто *ты* такой? Что это за линия?

— Не сегодня. — Зелёные глаза кота на миг метнулись к фонарю. — Если мы тут будем болтать, нас заметят. Неси пельмени, пока не остыли. Завтра вечером оставь окно открытым. — Он потрусил в темноту под аркой. — И ради всего хорошего, Антон. Не смотри.

Тень проглотила его. На заборе остался только нарисованный мелом кот с красной точкой на шее. И Антон был уверен: минуту назад его там не было.

[ILLUSTRATION: The big orange cat on the chalk-covered

fence by the railway arch, tail wrapped round its paws, a glowing red chip of glass at its neck, looking at Gus like a strict but kind teacher. Gus clutches his dumpling bags, astonished.]

Домой Антон шёл быстро и ни разу не поднял глаз. На углу Фонарной улицы под столбом стояла длинная белая машина. Самая чистая машина из всех, что он видел.

Мотор у неё был выключен. Но когда Антон проходил мимо, она загудела.

А глубоко у него в горле что-то тихонько загудело в ответ.

Глава вторая

Вестница бежит к Солнцу

Давным-давно, когда никакой Луны ещё не было, жила-была девочка из камня, и бегала она по дороге из света.

Звали её Айрис Свифт, и была она меркурианкой: кожа тёмная, как сланец, а в трещинках на запястьях тлели красные огоньки, будто угольки. Днём Айрис была медленной и сонной. Зато по ночам просыпалась, как искра в сухой траве, и становилась самой быстрой вестницей во всём небе.

В те времена было девять планет, и на каждой жили люди. О Луне никто и не слыхивал. Год длился ровно триста шестьдесят дней. Моря лежали ровные, как тарелки, потому что приливов не было.

И никто не разговаривал.

Ни ртом, ни разу. Мысль перетекала из одной головы в другую так же легко, как улыбка. Айрис ни разу в жизни не слышала произнесённого вслух слова. Огромный гул чувств соединял все девять миров, как друзей, взявшихся за руки. Он назывался Песнью Девяти, хотя звуком вовсе не был. И вещи можно было создавать просто мыслью.

В то утро, когда старый Обсидиан Там позвал её с Башни

Рассвета, Айрис лежала на тёплом чёрном камне и притворялась валуном.

Айрис, пришла его мысль. *Просыпайся. Из-за Нептуна летит корабль. Кажется, он поздоровался.*

Сон как рукой сняло.

С вершины Башни, которую Там когда-то выдумал из чайного стекла, она увидела точку — маленькую, чёрную и холодную. Её «здравствуйте» легло в голову Айрис, как капля масла на воду. Это было самое вежливое «здравствуйте» из всех, что она знала: все уголки аккуратно загнуты, будто его *репетировали*.

Надо сказать королеве, сказал Там. *Ты самая быстрая.*

И Айрис выдумала себе плащ из остывшего стекла — снаружи чёрный, а внутри красный, как угли, — и побежала.

[ILLUSTRATION: Iris Swift, a girl of dark layered slate with glowing ember-red cracks at her wrists and a long streaming cloak of black-and-red glass, sprinting along a curved bridge of pale light across a star-filled sky. A huge white Sun blazes behind her; Venus glows like a cloud-lantern, blue-green Earth on the other side. No Moon anywhere. Joyful speed, wonder.]

Дорога к Фаэтону, планете посреди неба, была мостом из бледного света. Мимо проплыла Венера, как облачный фонарь, пронеслась Земля — синяя с зелёным.

На полпути Айрис встретила самую громкую и бестолковую мысль на свете.

Ой-ой-ой, это правильная дорога, а почему нет указателей, как тут далеко вниз, а почему я смотрю вниз?

Айрис рассмеялась.

Впереди, раскинув руки, как пугало, стоял мальчик — розовый, как персик, с сумкой, набитой свёрнутыми картами.

Здравствуй, подумала Айрис как можно мягче. *Я Айрис, с Меркурия.*

Ой! Мальчик подпрыгнул. *Я Адам Роу, с Земли. У меня есть пропуск! Честное слово!*

Айрис прочла пропуск одним пальцем. Адам, картограф, мог провести один сезон в библиотеках Фаэтона — так значилось в пропуске, подписанном самой королевой. Айрис нахмурилась. В небе существовал Закон — Закон соседства. Он был как форма самого мира, как вода, которая принимает форму чашки. Каждый народ мог жить на своей планете и на соседних. Земляне — на Венере и Марсе. Марсиане — на Земле и на Фаэтоне. А Фаэтон от Земли — через две планеты.

Это всего на один сезон, поспешно сказал Адам. *Никто никогда не рисовал серединку. И королева разрешила. Кажется, потому что я просил очень громко.*

И Айрис побежала рядом с ним, пока Адам огрызком карандаша рисовал дорогу.

[ILLUSTRATION: The road of light: Adam Rowe, a rosy-pink boy with sticking-up dark hair, arms stretched out, a satchel stuffed with rolled maps, wide-eyed and nervous. Iris laughs

beside him, her wrists glowing. Soft turquoise and gold stars. Warm and funny.]

Фаэтон сиял, как фонарь, весь розовый, золотой и янтарно-хрустальный, светясь изнутри. Его моря были такими неподвижными, что гости пытались по ним пройтись.

Ох, выдохнул Адам и чуть не выронил карандаш.

На острове из белого стекла стоял Зал Перекрёстков с девятью светящимися садами — по одному для каждого народа. *Королева ждёт вас,* сказали высокие хрустальные фаэтонцы. *Она почувствовала, что ваша весть уже в пути.*

Адам отправился в картографическую. Айрис пошла дальше одна — и тут увидела гостей.

Они спускались по трапу с длинного чёрного корабля, в котором не горел ни один огонёк. Трап был из металла, с болтами.

Их было четверо: высокие, зелёно-чёрные, как мокрая галька, с золотыми глазами и в мантиях цвета сливы. Это были нибируанцы — с тёмной планеты, которая бродит на самом краю всего.

Айрис протянула им свой дружелюбный разум, чтобы сказать «добро пожаловать».

Её мысль наткнулась на стену.

Гладкую, тёплую и точь-в-точь по форме улыбающегося лица. Она надавила — стена подалась, как занавеска, а за ней

была другая занавеска, и ещё одна. Очень глубоко внутри что-то маленькое и настороженное сидело, сложив руки.

Закрытая дверь. Айрис за всю жизнь не встречала ни одной.

Тут самый высокий гость открыл рот и издал *щум*. Тихий, мокрый, щёлкающий звук, будто камень облизывают. Он был *нарочный*. Это была мысль, выдавленная через горло и брошенная в воздух, как камешек.

Здравствуйте, друзья, сказал сладкий голос в голове у Айрис. И Айрис с дрожью по каменному хребту поняла: голос в голове и звук изо рта — не совсем одно и то же. Одно из них говорило неправду. Какое — она не могла понять.

Её плащ стал тревожно-серым.

[ILLUSTRATION: The black ship on the shore with a metal gangway, and four tall green-black Nibirans in plum-coloured robes, golden slit-pupil eyes, holding wrapped gifts. The tallest has his mouth open, wobbly black ribbon-lines of sound curling into the air. Small Iris watches, her cloak turning grey. Polite but eerie.]

Она вошла сказать королеве, что с дальней орбиты прибыли гости.

А позади щёлканье не прекращалось — тихое, осторожное. Это были первые слова, когда-либо *произнесённые* в небе.

Никто ещё не знал, что за ними последует очень, очень много других.

Глава третья

У кота есть мнение

Антон оставил окно открытым, как велел кот.

В шесть часов он сидел на кровати в своей мансарде над пельменной с тарелкой холодных пельменей и старательно не смотрел на окно. Раздался мягкий *бух*. Потом что-то тяжёлое приземлилось прямо Антону на живот и сказало:

— Подвинься.

— А-А-А! — сказал Антон.

— Тс-с, — сказал кот. — Бабушка решит, что тебя едят.

Это был тот самый рыжий кот с моста. Он принялся уплетать пельмени: *хлюп, хлюп, хлюп*.

— Это мои, — слабо сказал Антон.

— Уже нет.

[ILLUSTRATION: Gus's cosy attic bedroom above the dumpling shop at dusk: sloping ceiling, fairy lights, a plate of dumplings on the bed. A big orange cat with a nicked ear and a glowing red chip at her collar sits on Gus's tummy, eating a dumpling. Gus stares, wide-eyed. A small black camera-dome glows in the ceiling corner. Warm and funny.]

Когда пельмени закончились, Антон навёл на неё бабуш-

кин телефон.

На экране сидел самый обыкновенный, слегка скучающий кот. «Мяу», — сказал он.

— Кто ты? — прошептал Антон.

Кот выпрямился.

— Меня зовут Марта Редд. И я не кошка.

— Я так и думал.

— Смотри. И не ори.

Она потрусила к столику, где стоял старый чайник Антона, и обмякла, как тающая свеча. Воск потёк, сложился в новую форму и сказал *щёлк*.

Теперь чайников было два: одинаковая щербатая крышка, одинаковое подпалённое пятно. Только у одного вместо кнопки было красное стёклышко, и оно пульсировало, как сердце.

— Не трогай меня, — сказал чайник. — Закипю.

Антон издал звук. Это был *не* вопль. Это была мышь, которая села на свисток.

Щёлк. Кошка вернулась.

— Как ты это *сделала*?

— А ты можешь объяснить, как у тебя работают локти? — Она облизнула лапу. — Я марсианка.

— Как маленькие зелёные человечки?

— Я что, похожа на зелёную?

[ILLUSTRATION: Two identical kettles side by side on a little table: one ordinary, one with a glowing red chip for a switch

and a faint outline of cat's ears behind it. Gus in the background, mid-squeak, holding up an old phone showing a plain meowing cat. Playful, bright.]

— Луна, — сказала Марта, — не наша. Она никогда не принадлежала Земле. Это кусочек соседа.

— Когда-то между Марсом и Юпитером была целая планета. Пятая. Давным-давно её разбили. Большая часть до сих пор там, в вышине: россыпь камней, бегущих по дорожке, где она когда-то ходила. Но один большой кусок упал к Земле и остался. Осколок. Это и есть Луна.

— Пояс астероидов, — сказал Антон. Они проходили это в школе. Он получил три из двадцати.

— Золотая звезда.

— А линия?

— Это Шов. Место, где осколок помнит, что был частью Пятой. Ему до сих пор немного больно, и он гудит. — Марта мягко посмотрела на него. — А ты его слышишь.

— Почти никто не слышит. Один человек из нескольких сотен тысяч. Ты звенел, как церковный колокол в телефонной будке.

— Это же не звук, да? — медленно сказал Антон. — Скорее *мысль*.

Её усы дрогнули.

— Да. Именно.

— Почему здесь все говорят, как коробка с хлопьями? — спросил Антон.

— Потому что разучились разговаривать друг с другом. До Луны никто не говорил ртом. Говорили умами. Потом пришла Луна, и люди начали издавать горлом шум, чтобы перебросить мостик через пропасть. Это и есть «говорить». Костыль. Вы так долго на него опираетесь, что забыли: у вас вообще были ноги. — Она выглядела сердитой и немного грустной. — Двенадцать тысяч лет мой народ смотрит, как вы это делаете, и я всё равно считаю это отвратительным.

— А почему я?

— Потому что у тебя для этого подходящее горло. — Марта снова стала деловой. — Всего рассказать не могу. Не сегодня. Но вот правило номер один. Никогда не смотри на Шов там, где камера видит твои глаза. И там, где могут сосчитать.

— А кто такие *они*?

Красное стёклышко мигнуло, как крохотное испуганное сердечко.

— Не сегодня. Скажу только вот что. Мой народ может жить только рядом с нашим миром. Такой закон — с самой древности. Рядом был Марс, и он сгорел. Поэтому теперь мы живём с *вами*.

Три лёгких стука в дверь спальни.

— Антон? — Это была Лили. — Можно у тебя одолжить сахару для ночного чая?

Уши кошки прижались.

— Она меня увидит. Молчи. Веди себя естественно. И *не смейся*.

Антон смотрел на дверь полсекунды. Когда он снова оглянулся, на кровати лежала подушка: рыжая, комковатая, с кисточками и светящейся красной пуговицей. Выглядела она так, будто её связала двоюродная бабушка, которая никогда не видела подушек.

— Лучшее, что успела, — прошептала подушка.

Антон открыл дверь.

На пороге стояла Лили в синей медицинской форме с термосом в руках.

— Привет, герой. Сахарку?

— Сахарку. Да. Конечно.

— Антон. А почему твоя подушка на меня смотрит?

Подушка застыла как вкопанная.

— Она не смотрит. Это подушка. Мне бабушка подарила.

— Кажется, я простудился, — сказал он.

У двери Лили глянула в окно на восходящую Луну и провела рукой за ухом, словно отгоняла муху.

— Сегодня большой прилив, — сказала она, почти себе. — У меня от него всегда уши как-то странно. — Она улыбнулась. — Закрой окно, герой. Замёрзнешь.

Подушка булькнула, открыла два зелёных глаза и скатилась с кровати уже сердитой кошкой.

— Она тронула ухо, — сказала Марта. — Надо же. Вот *это* интересно.

Она запрыгнула на подоконник.

— Улыбайся фонарям. Не будь интересным и не смотри вверх.

— А что будет, если я забуду?

— Если они запишут, что ты пялился, — сказала кошка, не оборачиваясь, — пришлют кого-нибудь вежливого. Кого-нибудь с добрым лицом и очень хорошим пальто, кто знает твоё имя и спрашивает о бабушке.

— По-моему, звучит неплохо.

— Правда? — Красное стёклышко мигнуло раз, другой. — Вежливый — самый плохой, Антон. Вежливый всегда самый плохой.

[ILLUSTRATION: Marta the cat on the windowsill in profile, the huge pale Moon behind her with its thin glowing gold-green Seam. Gus sits cross-legged on the bed watching her, one hand on his throat, which glows softly. Deep blue and silver night colours.]

Внизу на улице очень медленно проехала длинная белая машина с выключенными фарами.

Глава четвёртая

Королева, которая услышала ложь

Королева Фэй с Пятой планеты была сделана из хрусталя, и ей никогда в жизни не лгали.

Она стояла в Зале Перекрёстков на полу, выложенном девятью сияющими кольцами — янтарным, розовым, фиолетовым, прозрачными насквозь. Когда сквозь неё проходила мысль, её было видно. Радость зажигала руку золотым фонарём. Тревога пускала по спине синюю искру.

Она была сердцем Песни Девяти. Разум каждой планеты втекал в неё, как девять рек в озеро, и вытекал обратно чуть сильнее и чище. За всё своё долгое правление Фэй не услышала в Песне ничего, чего бы не поняла.

До сегодняшнего дня.

[ILLUSTRATION: Queen Faye standing in the centre of nine glowing rings on the floor of the Hall of Crossings: a tall, slender woman of amber, rose and violet crystal with soft golden lightning moving through her. Rose-glass roof, stars above, nine garden-archways glowing around her. Serene and powerful, low angle.]

Чужеземцы просят принять их, сказал Зал.

Просят? удивилась Фэй.

На Фаэтоне никто никогда не *просил*. Ты чувствовал, чего хотят люди, ещё до того, как они захотят. Чтобы просить, надо поверить, что между вами есть дверь. А дверей не было никогда.

Она вспомнила Айрис Свифт с посеревшим плащом. *Они издают ртом шумы, Ваше Величество. И за этими шумами никого нет.*

Фэй потеплила свой свет и послала самое древнее приветствие на свете. *Входите. Каждый желанный гость в Зале Перекрёстков.*

Они вошли через розовые двери. Высокий, в мантии цвета старой сливы, был лорд Скарн. Худой, в серо-фиолетовом, с настороженной сутулостью — его советник Сеш. Они отвесили долгий, размашистый поклон, их рты раскрылись, и оттуда полились звуки.

— Мы польщены, Ваше Величество, — сказал лорд Скарн. — Мы проделали очень долгий путь.

Это был мокрый, щёлкающий шум, как камешки в ручье, и он прошёл сквозь неё холодным сквозняком.

Она раскрыла перед ними свой разум, тёплый и широкий, как парадная дверь в летний день.

И её разум наткнулся на стену.

Красивую стену в форме лица, с нарисованной дружелюбной улыбкой. Она надавила всей силой девяти миров. Стена

подалась, как занавеска, а за ней была другая занавеска, и ещё одна.

Там, где должен был быть разум, стоял дом с наглухо закрытыми ставнями.

Впервые в жизни королева Фэй вздрогнула перед гостем.

[ILLUSTRATION: Lord Skarn and Sesh bowing with long sweeping arms in the Hall: tall green-black reptilian figures with golden slit eyes and plum-coloured robes, faintly smiling. Between them and the Queen, a smooth pale wall in the shape of a smiling face hangs in the air like a curtain, with more curtains behind it. Elegant, eerie, polite.]

— Мы пришли торговать, — сказал лорд Скарн.

В языке Фаэтона не было слова «торговля». Были «дарить» и «делиться». А «торговля» значила, что между двумя подарками прячется невидимая штука под названием *цена*.

Что такое цена? спросила Фэй.

— Стоимость вещи, — сказал Сеш.

У нас нет такого слова, ласково ответила Фэй. *Но вы гости. Всё, что у нас есть, — ваше.*

— Как любезно, — сказал рот лорда Скарна.

Но на один миг, сквозь щёлку в стене, его разум произнёс: *Как дёшево.*

Фэй услышала оба. Она пока не знала, что делать с тем, кто может сказать две вещи сразу.

Дары разложили на полу: серебряные зеркала, гудящие чёрные двигатели, шкатулку с жемчужными семенами. Хрустальные советники склонились над ними, как дети на празднике. И Фэй почувствовала, как нибируанцы *заметили* их восторг и спрятали его в копилку.

— Ваше Величество, — сказал Сеш, подходя ближе; его золотые глаза влажно блестели. — Простите. Я любопытный человек. Нам интересно, как устроена ваша Песнь. Где она хранится. На чём держится. — Он склонил голову. — Мне не хотелось бы думать, что она хрупкая.

И сквозь стену, как холодная игла сквозь ткань, проскользнула одна-единственная мысль. Может, случайно. А может, и нет.

Она держится на ней.

Фэй сделала то, чего не делала никогда в жизни.

Она спрятала мысль.

Это оказалось удивительно легко. Вот что было страшнее всего.

Ни на чём, ласково сказала она Сешу. *Как море держится на море. Вы поймёте, когда поживёте у нас.*

Сеш поклонился. Он вовсе не выглядел обманутым. А лорд Скарн улыбнулся всеми зубами.

— Думаю, мы станем отличными друзьями.

Когда нибируанцы ушли, Фэй осталась одна среди девяти колец, дрожа, как листок.

Ваше Величество?

Это был маленький ум, и очень громкий, он прятался за колонной, как щенок под стулом с торчащим хвостом.

Адам Роу, сказала Фэй. *Выходи. Я чувствую тебя отсюда.*

Из-за колонны вышел Адам с чернильным пятном на подбородке. Его ум был самым беспорядочным в небе, но совершенно, безнадёжно открытым. Ни одной ставни в нём не было.

Я не подслушивал, сказал Адам — именно так всегда говорят честные люди, когда подслушивали. *То есть подслушивал. Я не знал, куда девать лицо.*

Я тоже, сказала Фэй. Это вырвалось само. *Что ты заметил, Адам?*

Как будто говоришь с зеркалом, сказал он. *Только зеркало стоит в соседней комнате и улыбается чужим лицом. Кажется, они не умеют иначе. Кажется, они из этого сделаны.*

[ILLUSTRATION: Adam Rowe, rosy-pink with ink on his chin, stepping out from behind a pillar with his satchel of maps, while Faye, softly glowing and a little shaky, turns to him. Through the arch behind them, the evening sky is violet and a lone green-black figure stands in a lit window. Warm, gentle, a little worried.]

За арками горели лампы девяти садов, как горели каждый вечер миллион лет. В одном окне зелёно-чёрная фигура сто-

яла совершенно неподвижно и смотрела на звёзды.

Всю жизнь Фэй считала, что ложь — это то, чего не бывает. Теперь она знала лучше. Ложь — это *место*. Место в уме, куда не доходит свет.

Они не торговцы, подумала она, одна в огромном зале, а Песнь гудела в ней, как тронутая струна. *Они нащупывают, где Песнь слабее всего.*

Глава пятая

Чудаковатый сайт

Беда с поиском правды в Глиммертоне была в том, что весь город был слишком услужливым.

Антон сидел на диване над пельменной с бабушкиным телефоном и очень медленно набирал:

пояс астероидов

Страница поиска весело качнулась. Мультяшная сова в ночном колпаке захлопала большими глазами.

— Вы имели в виду: *пояс астероидов ДЛЯ СУМКИ*?

— Нет.

— Показываю результаты по запросу: *Сонный Лунный Пояс — для лучшего сна!*

— Мне не нужен сонный пояс!

— Спасибо за обратную связь. Минус одно Звёздное очко за крик.

Антон попробовал ещё раз. Сова показала ему рекламу *«Лунного молочка» — напитка на ночь, который помогает не смотреть вверх.* С четвёртой попытки из телефона сам собой полился ласковый голос:

— Трудности с ночным небом? Вы не одиноки!

Сова никогда не говорила «нет». Она просто наклоняла

— очень, очень нежно, — пока ты не оказывался лицом туда, куда ей нужно.

Она что-то скрывает, подумал он, *заваливая сверху кучей всего остального.*

[ILLUSTRATION: The cartoon search owl in a nightcap on Gus's phone, blinking big eyes, with ads for Moonmilk and a sleepy crescent Moon floating around it. Gus scowls at it from the sofa. Bright pastel colours, funny and slightly sinister.]

Марта ушла до завтрака. «Никаких телефонов, — сказала она. — Всё, что ищешь на штуке с именем, кто-то читает. Иди туда, где есть пол. Настоящее место. Со стиральными машинами».

Поэтому тем вечером Антон выскользнул в прачечную «Мыл-О-Матик», через три двери. На вывеске было написано: НЕ ТОПТАТЬСЯ. А под ним кто-то приписал: МЫ ВСЕ ТОПЧЕМСЯ.

В кресле храпел старик. Девочка в пуховике складывала полотенца с белыми «бусинами» в обоих ушах.

— Новое начало, новый ты! — сказала она, не поднимая глаз.

В самой глубине стоял огромный неповоротливый компьютер без одной клавиши. Табличка: ИНТЕРНЕТ — 50 ПЕНСОВ — 15 МИНУТ. Наклейка: *Никаких звёзд. Никаких значков. Никаких сов.* А под ней — до боли знакомым скрипучим почерком: *Уровень пола, как просили. М.*

Антон ухмыльнулся, бросил пятьдесят пенсов и набрал *пояс астероидов*.

Старый компьютер не качнулся. Он просто выдал список.

Пояс астероидов оказался вовсе не беспорядочной кучей космических камней. Это было *кольцо*, широкая дорога вокруг Солнца — ровно там, где должна быть планета. На эту дорожку можно было уложить целую планету, и она села бы как шарик в желобок.

Россыпь камней, прозвучал в памяти голос Марты, *бегущих по дорожке, где она когда-то ходила.*

Сушилка грохнула. Девочка зарылась лицом в тёплое бельё.

— Ой, как *хорошо*, — сказала она маленьким, настоящим, удивлённым голосом. Тут бусина у неё в ухе зажужжала, и лицо стало гладким и плоским.

— Тепло — это настроение! — бодро сказала она и ушла.

Антон сглотнул и набрал ещё одно слово. *Фаэтон.*

Компьютер нашёл старую историю про мальчика, который погнал колесницу Солнца и не сумел удержать коней. Внизу была крохотная ссылка: *Для дальнейшего чтения (неофициально).*

ПЯТАЯ БЫЛА НАСТОЯЩЕЙ, сообщил экран огромными красными буквами по чёрному. В углах крутились две маленькие синие планеты с лицами.

Общественное служение от Клайва Э., эсквайра.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПУТНИК. ТЫ ПРИШЁЛ СЮДА, ПОТОМУ ЧТО ПОСМОТРЕЛ ВВЕРХ. НЕ СМОТРИ ВВЕРХ ТАМ, ГДЕ ОНИ ВИДЯТ. ЭТОТ САЙТ НАХОДИТСЯ В СТАДИИ СТРОИТЕЛЬСТВА С 1998 ГОДА.

Антон расхохотался вслух. Там была страница под названием *ЧаВо (Часто Выдуманные Вопросы)*.

Потом он нашёл страницу КАРТА — и смеяться перестал.

[ILLUSTRATION: The Sudz-O-Matic launderette at night: glowing round washing-machine windows like portholes, orange plastic chairs, a sleepy old man with a carrier bag, a girl in a puffy coat with white earbuds. At the back, Gus sits at a big clunky computer in a pool of green light. Cosy and a little mysterious.]

Это были рисунки пером и тушью, а в уголке виднелось кофейное кольцо.

На первом были девять планет в ряд, соединённые друг с другом паутиной серебряных нитей — такой густой, что страница казалась сетью из света.

УМЫ КАСАЮТСЯ. ИМ НЕ НУЖЕН ГОЛОС.

На втором — одна планета посередине, толстая и яркая, и все нити проходили сквозь неё, как узел на верёвке.

Пятая. Петля. Всё держится на ней.

На последнем восемь планет сидели в темноте, вокруг дорожки средней — облако крохотных точек, а все нити были перерезаны и дрожали, как распущенные струны.

ОНА ПЕЛА

Сердце у Антона колотилось. Он видел это. Изнутри, каждую неделю, во сне.

Тот, кто это нарисовал, видел тот же сон.

В горле было тепло, и впервые он почувствовал там что-то. Не комок. Маленькую, терпеливую *тяжесть*, как монетка в кармане.

Побереги это для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.